

И. Виноградов

Под боевые гвардейские знамена!

★

ОГНЗ

ИВАНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1942

1870

1870
1871
1872
1873
1874
1875
1876
1877
1878
1879
1880
1881
1882
1883
1884
1885
1886
1887
1888
1889
1890
1891
1892
1893
1894
1895
1896
1897
1898
1899
1900

к. 10-176 7

Н. ВІНОГРАДОВ

ПОД БОЕВЫЕ ГВАРДЕЙСКИЕ ЗНАМЕНА!

94

ОГИЗ
ИВАНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1942

2010

100

БОЕВЫЕ РЕЗЕРВЫ—ДЛЯ ГВАРДИИ

Советская Гвардия — краса и гордость Красной Армии — родилась в огне ожесточенных битв с немецким фашизмом. Гвардия еще молода, но гвардейцы успели заслужить горячую любовь советского народа, как войны умелые, храбрейшие из храбрых. О них можно сказать словами Шекспира:

Таких бойцов не поражает смерть:
Полнив свет, он жив своею славой.

Наша курсантская запасная часть выполняет большую и ответственную задачу, — она готовит для Гвардии боевые резервы.

Воспитание умелого, стойкого воина, воина-патриота, воина-гвардейца, — что может быть благороднее этой задачи в суровые дни Великой отечественной войны!

Заботами о том, как лучше научиться громить гитлеровских бандитов, заполнена каждая минута у курсантов, командиров и политических работников.

Курсанты своими руками в несколько дней оборудовали стрельбище, которое они сейчас называют „учебным комбинатом“. Здесь, за огневым рубежом — оружейная и столярная мастерские, метеорологический пункт, радиостанция, дзоты, физкультурный и химический городки, химкамера с тиром и штурмовой полосой, макеты танков, автомашин... Саперы создали учебную переправу с лодками, гидролыжами, плотами, всевозможными импровизированными подручными средствами. Построен учебный оборонительный район. По маршруту 90-километрового лагерь-похода курсанты совершают марши, решают различные тактические задачи в условиях, приближенных к боевым. Словом, создано все, что требуется для закалки бойца, подготовки его к гвардейским боевым походам.

Обучают курсантов опытные командиры и политработники. Многие из них — участники отечественной войны,

закаленные в боях, добывшие боевой опыт собственной кровью.

Тысячи наших воспитанников сейчас сражаются на фронте, в рядах гвардейцев. И не знаем мы еще такого случая, чтобы хоть один из них струсил в бою, посрамил честь нашей части.

У командиров и политработников много напряженной, настойчивой работы. В труде и поту выковывается гвардеец, который будет сражаться так, как сражались 28 панфиловцев, как бились севастопольцы, как дерутся ленинградцы, как громят немца храбрецы под боевыми гвардейскими знаменами.

Курсанты в напряженной учебе готовятся переносить любые тяготы фронтовой жизни, чтобы встать в ряды гвардии и своим примером повести всех советских воинов к окончательной победе над врагом, выполняя исторический первомайский приказ товарища Сталина.

Книжка „Под боевые гвардейские знамена!“, написанная лейтенантом И. Виноградовым, ценна тем, что в доступной для читателя форме показывает отдельные эпизоды из жизни и боевой учебы курсантов, рисует наши будни, простые и суровые.

Многие из тех, о ком идет речь в книжке, уже сражаются на фронтах отечественной войны. Другие готовятся громить злого ненавистного врага.

Гвардия пополняется все новыми и новыми силами. Она получает отличные боевые резервы для окончательного разгрома гитлеризма.

Командир Н-ской курсантской части — З. Выдриган.

Военный комиссар части — Ф. Ковалев.

Марш Н-ского Курсантского Стрелкового полка

Слова мл. лейтенанта Э.м. Казакевича

Ты грядь, наша песня, в просторах развейся.
Не страшны нам зной и пурга,
Сегодня курсанты, а завтра гвардейцы,
И с песней вперед, на врага.

П р и п е в:

Раздался гудок паровоза,
Вокруг загремело "ура".
Пора расплатиться за кровь и за слезы,
На Запад, курсанты, пора.

Мы крепко учились, мы спаяны вместе,
И в битве не дрогнет рука,
И мы разнесем по всей армии вести
Про честь и про славу полка.

П р и п е в.

Товарищ на фронте, будь тверд и спокоен,
Смелее навстречу врагу.
В подмогу тебе закаляется воин
В курсантском стрелковом полку.

П р и п е в.

И будет разбита заклятая свора
Кровавых немецких громил.
Отвагу в бою завещал нам Суворов,
Нас Ленин победе учил.

П р и п е в.

Курсанты

(Короткие зарисовки)

1. РАПОРТ

Курсант пулеметной роты комсомолец Сергей Петрашов подал командиру рапорт. Он просил как можно скорей, с первой же маршевой ротой, отправить его на фронт. Сергея влекла романтика боев, к тому же он считал, что раз его друзья на фронте, — он не может пребывать где-то в тылу.

Для убедительности в рапорте было сказано: „Имею значок Ворошиловского стрелка, на пункте всевобуча был командиром отделения“.

На второй день его позвал писарь штаба.

— Значит, еду! — оторопел от неожиданности Петрашов.

— Плясать будете? — спросил писарь, подавая синий конверт.

Петрашов молча взял письмо.

Ему писала с фронта знакомая девушка, одноклассница Клава Серова, медсестра в гвардейской части.

Раньше, когда училась в десятилетке, она составляла большие гербарии, а на клубной сцене была лучшей исполнительницей роли шекспировской Джульетты. Такой ее и знал Сергей. А теперь Клава с увлечением рассказывает о фронтовой жизни, описывает, как пулеметчики Сигов и Воронов (оба земляки, друзья Сергея) уничтожили более 20 фашистов. Клава рада их успехам, хвалит за храбрость, умение стрелять метко.

Петрашов вечером пришел в штаб к своему командиру:

— Я на счет рапорта, — смущенно заявил он. — Нельзя ли обратно взять.

Командир вернул рапорт, заметив, что никогда не следует горячиться.

С того дня в подразделении стали замечать, что Петрашов стал особенно прилежно заниматься. Однажды, когда курсанты вернулись с просмотра кинокартины, они застали его у разобранного „Максима“. Петрашов был с завязанными глазами. Он это сделал для того, чтобы потренироваться, „не глядя“ разбирать и собирать замок пулемета.

На показательных стрельбах курсант Петрашов занял первое место в подразделении. Ему объявили благодарность.

...Командиру снова поступил рапорт. В нем Сергей Петрашов писал: „Теперь за меня можете ручаться. Силу гвардейского пулемета покажу в первом же бою“.

Втайне Сергей мечтал угодить в ту гвардейскую часть, где его земляки — пулеметчики и медицинская сестра Клава.

2. ИЗ РАЗВЕДКИ

Широкие лапы елей были недвижны. Пахло хвоей и шалфеем. В глубокой тишине курсанты-автоматчики Сергеев и Кравец возвращались с разведки.

Они добыли важные сведения: обнаружили скопление „противника“, набрали на свежий настил, проложенный через топь, а за просекой заметили насечки на деревьях. Теперь, крадучись, спешили доложить обо всем замеченном своему командьру.

Но как назло, вот уже второй раз они попадают на одну и ту же поляну.

— Закружились, — с обидой произнес Кравец.

— Хотя бы солнце выглянуло, — заметил товарищ.

Сквозь ветви упали крупные редкие капли. Потом дождь забарабанил по листве. При каждом постороннем шорохе, взлете испугнутой птицы разведчики замирали, как замороженные, и, казалось, их может выдать лишь стук собственных сердец. Временами они лежали пять — десять минут и слушали лес.

Кравец залез на высокую суковатую сосну, чтобы оттуда разглядеть, в какой стороне церковь — знакомый ориентир. В это время внизу хрустнул сук. Сергеев подал знак Кравцу, сам прижался к траве. Он лежал с широко

раскрытым ртом, чтобы не было слышно дыхания: осторожность разведчика.

Треск сучьев повторился, но уже где-то дальше.

— Разведчик „противника“, — мелькнуло у Сергеева. И он быстро решил: разуться и поймать разведчика.

Как на пружинах, он прыгал с кочки на кочку, пригибался под кустами, полз, приминая цветы брусники.

Цель приближалась...

Через несколько минут Сергеев уже снова был у сосны, с которой спускался Кравец.

— Ну, кто там ходил? Разведчик?

— Нет, корова, — Сергеев посмотрел на товарища упавшим взглядом охотника, обманутого причудами леса.

Обстановка осложнялась: церковь заметить не удалось, время шло, надвигалась гроза.

Сергеев медленно шагал по лесу, останавливался у толстых елей, что-то высматривал. Потом, словно встреपёнувшись, подозвал товарища:

— Иди за мной. И не отставай.

По сучьям на деревьях, по муравьиным кучам, пням, по замшелой коре сосен автоматчик угадывал стороны

света и под проливным дождем шел вперед. Здесь, как никогда, пригодилась наблюдательность Ивана Сергеева — опытного охотника из спиловских лесов.

Разведка доставила сведения во-время.

3. У КОСТРА

В лесу курсанты располагались на ночевку. В этот поздний час каждый заканчивал свои дела: кто пришивал пуговицу, кто сушил портянки, чистил шинель.

Василий Солнцев, тейковский бухгалтер, сидел поодаль, с блокнотом.

— Ну, что, Пушкин, рифму ждешь? — подсел к нему земляк и приятель Григорий Коченев.

Солнцев и впрямь сочинял стихотворение. О гранате.

... Мы теперь с тобой, граната,—
Неразлучные друзья.
И родную землю свято
Отстоим от супостата—
Ненавистного зверья.

— А я, знаешь, письмо получил, — спешил поделиться Коченев. — От брата Игоря, с фронта. Моложе меня, а дерется, как чорт. Ему дали звание старшего сержанта и медаль „За отвагу“. Вот тебе и Игорь...

Группа курсантов вынесла противотанковое ружье за можжевельный куст. Началась тренировка: каждый в темноте разбирал и собирал части ружья, учился заряжать.

— В азарт вошли, — заметил старшина, мастеривший из картона „лиру“.

Другая группа тренировалась у пирамиды. Выделили караульного начальника, разводящего, установили посты и точно, по уставу, сменяли часовых, отдавали рапорта, проверяли обязанности часового, подчаска, караульных.

Над пламенем костра, на кончике палки, висел белый гриб. Мягкий ветерок приносил запах гари и пушинки одуванчика. Коченев и Солнцев лежали на траве и думали каждый о своем: о родных, об утерянном спокойствии, уюте и доме, о предстоящей первой схватке с немцем, о том, что будет еще жизнь — такая же хорошая, как год назад, — с песнями, тишиной...

Василий Солнцев вдруг вскочил на ноги и, обращаясь в темноту, крикнул:

— Товарищи, соловей! Соловьи...
Стало совсем тихо. Лесной рощей овладели соловьи.

4. РАДИСТЫ

Михаил Абустин о себе сказал:

— У меня эта электромагнитная волна в крови сидит.

Он и до войны был радистом. Любитель-коротковолновик, бывало ночами блуждал в эфире, переговаривался с неведомыми коллегами, приветствовал заморских коротковолновиков. С трогательной важностью он рассказывает как сдружился по радио с девушкой из Петрозаводска и как однажды поймал сигнал „SOS“ с тонущего корабля.

...Пункт радиосвязи на территории стрельбища замаскирован так, что и опытный глаз не заметит. Землянка любовно прибрана. Стоят цветы. Пахнет смолой и грибами.

У приемопередатчика дежурит курсант Орехов. Он закрыл ладонями наушники и словно замер в ожидании.

Послышались позывные из штабной радиостанции. Орехов постучал ключом, и в эфир полетели условные цифры радиосигналов: к приему готов.

— Что передают? — любопытствует Абустин.

— Потерпи, — махнул рукой Орехов и еще ниже склонился над столом.

Волна штабной радиостанции временами исчезала, и радист потел от напряжения.

Прием закончился. Орехов раскодировал радиограмму: „Привет далеким радистам — Орехову, Абустину, Хауличу. Васько“.

— Ишь, друг, внимательность показывает. „Далеким радистам!“...

— Мы тут вторую неделю живем в лесу, как Робинзоны, — рассказывает Абустин. — Тренируемся, постоянную связь держим с рациями штаба, учебной переправы и учебного оборонительного района. А приветствие это из штаба. Радист Васько — курсант нашего взвода. Со мной соревнуется за чистоту приема и передачи...

Подразделение радистов в соревновании заняло первое место. Это стало традицией в части.

Курсанты-связисты учатся с редким увлечением. Агроном Петр Воронин и юрист Михаил Чадаев, тракторист Егор Ракитин и бухгалтер Порфирий Липатов с профессиональным достоинством называют приобретенные здесь

термины — задающий генератор, модуляция, аноды и катоды. Они свободно беседуют о тонкостях радиотехники, словно речь идет о подкормке всходов, кассационной жалобе, глубине лущения стерни или зарплатной ведомости.

Война внесла эту перемену в людей, сблизила их, объединила одной мечтой: скорей разделаться с врагом.

И сдается нам, что не у одного только Михаила Абустина теперь эта „электромагнитная волна“ в кровь засела...

5. МАСТЕРА

Такого урагана и старожилы не припомнят. Ветер с бешеной яростью обдавал ливнем, вода с шумом била в стекла, с крыш летели железные листы, трещали, падая, старые деревья.

На учебном поле стрельбища один из деревянных макетов танка ветром подняло в воздух, а затем с такой силой ударило оземь, что разлетелись гусеницы и сорвало башню.

Утром пришли заниматься десантные группы. Танк был на своем месте, в полной исправности — словно ничего здесь вчера и не произошло.

Оказывается, когда стих ураган, курсант Дмитрий Лобанов обходил учебные поля. И увидев вместо танка кучу развороченных досок, он принялся восстанавливать разрушенное.

Всю ночь провозился здесь Лобанов. На рассвете танк был готов. Он имел прежний вид, а отделан еще более прочно.

Каждый вечер, когда на стрельбище пусто, „полигонный столяр“ Дмитрий Лобанов ходит проверять, все ли в порядке, исправны ли деревянные сооружения, мишени, отбивы, заборы. Все, что заметит — починит, — мастерски, прочно и красиво.

Есть на стрельбище еще один „малозаметный“ человек, работу которого тоже трудно учесть при средней оценке боевой подготовки подразделений. А между тем, от него многое зависит.

Мы говорим об оружейном мастере Николае Антонове. Хороший мастер, большой знаток оружия, человек, увлекающийся своим делом.

На огневом рубеже производилась стрельба. Вдруг

вбегает Антонов, прислушивается и берет у Каценко винтовку:

— Она у вас не в порядке.

— Почему? Стреляет же...

— Я слышу, как стреляет.

Он прочистил газовую камору, подвинтил регулятор:

— Вот теперь попробуйте.

Антонов из мастерской услышал, что чья-то винтовка стреляет неправильно, по звукам выстрелов узнал, в чем недостаток.

Пулеметчики дали несколько очередей. И вдруг заметили неисправность: поперечный разрез гильз. Сказали Антонову. Тот быстро проверил ствол, вынул мотыль с шатуном, положил прокладку, и пулемет заработал великолепно.

Шайбу к диску ручного пулемета оружейный мастер сделал из медной монеты. Среди металлолома Антонов разыскал подходящие куски железа, стальные пластинки и теперь сам мастерит даже верхние и нижние спуски к замкам пулемета, защелки магазинной коробки к винтовкам, пружины к пистолету.

— Надо ухитриться делать все, — сказал как-то Антонов.

Так и поступает этот мастер стрелкового оружия.

6. В ОБОРЕНЕ

Пулеметчик Павел Воронов сидит со своим напарником Михаилом Ивушкиным в искусно отделанном укрытии.

Ночь. Накапывает дождик. Михаила тянет ко сну. Павел, чтобы развеселить друга, рассказывает занимательные истории из своей жизни. О том, как десятилетним мальчишкой он бежал из дому, задавшись целью пешком дойти до Иерусалима; как в него влюбилась дочь народного судьи; как он ездил в Алтайский край и видел маралов, Телецкое озеро и сказителя Улагашева...

— Ты всюду бывал, — позавидовал Ивушкин.

— Такая профессия, бродячая. Геологоразведчик.

Павел Воронов, видно, любит литературу. Он рассказывает о книге „Падение Парижа“, статьях Эренбурга в „Красной звезде“.

— Правильный писатель, — говорит он. — Хорошо про немецких паскудников пишет. Достается им, чертям.

Вдруг над головой раздался звонок — тонкий, нежный, еле уловимый. Пулеметчики встрепнулись, Михаил быст-

ро дернул за рычаг. Зеленый диск сделал полукруг над землей, и пулемет очутился на поверхности, за бруствером.

Павел прицелился, нажал на гашетку. Трассирующие пули пронизали темноту и исчезли невдалеке. Через минуту Воронов и Ивушкин, как ни в чем не бывало, сидели в укрытии и рассуждали о литературе, военной учебе, фронтовых новостях.

Послышалось два звонка. Пулемет вновь очутился над землей, заговорил сухой, деловитой скороговоркой. Пули теперь ложились в другом направлении — левой.

После двух очередей друзья исчезли. Они снова в скрытой огневой точке.

Утром, после тактических занятий, командир отметил, что точнее всех бил пулемет Воронова и Ивушкина. В глухую полночь эти пулеметчики изрешетили мишени, обозначавшие „противника“.

...Учебный оборонительный район. Здесь устроено так, что если противник подошел к проволочному заграждению, зашумят повешенные к проволоке пустые консервные банки, на наблюдательном пункте загорается желтая электролампочка, а в СОТ'е зазвенит звонок. Обойдет противник слева — загорается красный свет, а пулеметчики услышат два звонка. Направление и расстояние до противника известны. Нужны лишь — хладнокровие, мастерское владение оружием, умение управлять им.

А Воронов и Ивушкин это делать умеют.

7. ОТЕЦ

Он догнал нас на сытом пегом мерине и, поравнявшись, круто остановил его:

— Привурить у вас не будет?

Закурили. Разговорились. Старик предложил сесть с ним в двуколку.

Был прозрачный летний вечер. Словоохотливый старикан сначала похвалился, до чего хорошо нынче пошли вверх хлеба — „шапку бросишь — колос выдержит“. Потом похвалил свой колхоз, пасеку, породистых гусей, фермы, клуб. А колхозных девчат героинями назвал. Они и на тракторе пашут, почитай, не хуже фронтовых ребят, и медицинские кружки окончили, и стрелять учатся.

Наш возница оказался сведующим и в международных делах:

— В ту германскую войну я два года на позициях

был. Немца знаю. Блудоден эти немцы и плуты при том, а не вояки. Теперь посудите сами: Красная Армия — сила, Англия — опять — таки сила, а Америка... И как с двух сторон придавим, Гитлеру — труба. Вот ведь какая штука, — и он сделал замысловатый жест рукой.

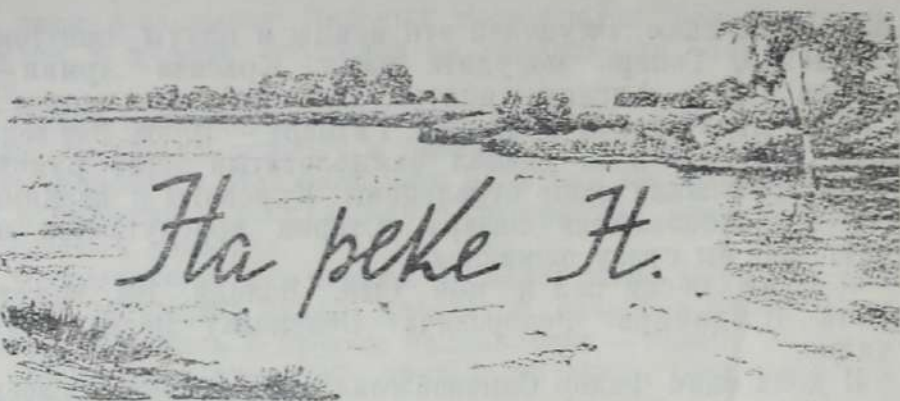
Мы проезжали наше стрельбище. Курсанты с песнями шли в расположение казарм. Старик прислушался и, вдруг, как бы сразу оживился:

— Здесь песни пел и мой сын, Володя. Вы, может, знаете Владимира Федоровича Семенова? Весной тут учился.

И колхозник Федор Семенов стал рассказывать о своем сыне, бывшем нашем курсанте-отличнике, недавно уехавшем на фронт.

— Пишет Володя, что он гвардеец, а я знаю, кто такой гвардеец: храбрец высшей марки. Дальше он пишет, что уже был в разведке и живьем фирса приволок. Командиру этот немец не понравился: заяка, разговаривать не может. Брак, в общем. Тогда сын второго притащил: проверьте, дескать, речистый ли, а то еще могу сходить. Такой у меня сын.

Старик с теплотой и достоинством говорил о Владимире, о сыне, который не посрамит отца и фамилию Семеновых, который умеет бить врага и вернется домой, в колхоз (а отец уверен, что вернется) со славой героя и с орденом на груди.

После ночного марша часть расположилась в березняке, за небольшой деревушкой Г. в кудрявом леске. Все лесное жило своей обычной жизнью: старательно трудились муравьи, цвела брусника, щебетали птички.

В 10 утра наблюдатели за воздухом доложили о появлении самолетов „противника“. Восемь бомбардировщиков пересекли лес бреющим полетом. Но разглядеть с воздуха ничего им, конечно, не удалось — кусты, ветвистые кроны деревьев не выдавали присутствия людей, искусно применившихся к местности.

Подразделение И. Киндеревича выступило вперед — по направлению к реке Н. Вскоре на правом берегу было обнаружено и уничтожено боевое охранение „противника“. Разведка же установила, что главные его силы занимают оборону на противоположном берегу.

В 12.00, после рекогносцировки местности, командир З. Выдриган отдал приказ на форсирование реки. Началась подготовка к переправе.

* * *

Наши наблюдатели Скосырев и Низов притаились у тихой заводи. Речной пейзаж был удивительно красив. Низов нет-нет да и шепнет товарищу:

— А лилии, смотри какие.

— Эва, восклицательный знак на воде, — и он кивком указал на подрезанную тень от колышка.

У чужого берега, к сгорбившейся иве, привязаны две лодки; видать, „противник“ что-то замышляет. Низов смотрит в бинокль — на дне лодки лежит миномет и какой-то сверток.

В напряженном молчании проходит час, другой. Снизу потянул ветер. Вода покрылась темной рябью, закачались лилии. Гребешки волн ударились о берег.

— Смотри, лодка пошла! — Скосырев потрогал за рукав соседа.

Лодка и впрямь оторвалась от берега и мчит на нашу сторону.

„Противник“ открыл стрельбу. Пули хлещут в воду, со звоном ударяются об уключины.

Наблюдатели, заметив, откуда стреляют, дали очередь из ручного пулемета. Свинцовая поземка понеслась над берегом, и огневая точка погасла.

А лодка плывет и плывет. Она врезалась в наш берег и застряла в песке.

Не прошло и пяти минут, как с противоположного берега сорвалась вторая пустая лодка и тоже направилась к нам. Она уверенно режет волны, словно сидит в ней опытный гребец. Весла беспомощно качаются на воде, как плавники у мертвой рыбы.

...Отвлечемся, товарищ боец, на минутку.

Кому из нас хоть раз в жизни не приходила такая несбыточная мысль: как захватывающе интересно было бы все видеть и слышать, а самому оставаться невидимым. Вы помните, как в уэллсовском романе „Человек-невидимка“ герой расправлялся с врагами, пользуясь тем, что его не могли видеть. И закрывая книгу, мы жалели, что это все фантазия.

Но человек-невидимка все же существует. И этот человек — военный разведчик.

Вот и сейчас, разведчик-невидимка, старший сержант химзвода Крылов увел две лодки „противника“. Его не заметили, палили в пустую лодку, как бы угадывая, что там кто-то должен быть.

Крылов сконструировал приспособление, позволяющее долгое время находиться под водой. И ходит он с грузом по дну реки, ему все там видно, а его никто не разглядит. Над водой торчит лишь поплавков и кусочек резиновой трубки, но когда рябит вода — трубки не видеть.

Крылов дважды добирался до берега противника, в воде перерезал веревку, которой лодки были привязаны, и уводил их к себе.

— Молодец, водолаз, — похвалил командир, когда старший сержант вернулся с реки и доложил, что задание выполнено, лодки из-под носа противника уведены на наш берег.

* * *

В эти горячие часы подготовки к ночному бою курсанты приготовили много интересных новинок.

Чтобы наглядно показать переправу плавающих танков, столяры вместе с лейтенантом Зыряновым сооружали танкамфибию. Закрепили на осях две бочки. Они дают возможность двигаться танку по земле. В воде же — выдерживают весь корпус и экипаж. В машинном отделении приделаны лопасти, руль.

Табельных средств переправы не было. Предстояло использовать все подручные средства. И тут на выручку пришла инициатива, находчивость саперов и стрелков.

Плоты сооружались из дров, бочек, связок соломы. Приспособили корзину из лозы, каркас из хвороста. В дело пошли ворота, жестяные бидоны, самое обыкновенное крестьянское корыто.

Курсант Подгорный смастерил гидролыжи. Он спустил их в ручей, чтобы испытать — устойчивы ли. Сначала изобретатель встал на лыжи неуверенно. Они расходились в разные стороны, не слушались хозяина. Подгорный приделал палки с поперечными планками; оттолкнулся от берега — лыжи пошли.

В олешике стоят минометы, а поодаль — противотанковая пушка. И миномет и пушка сделаны в своей оружейной мастерской курсантами Кондрашевым, Кривчик и лейтенантом Копытовым.

* * *

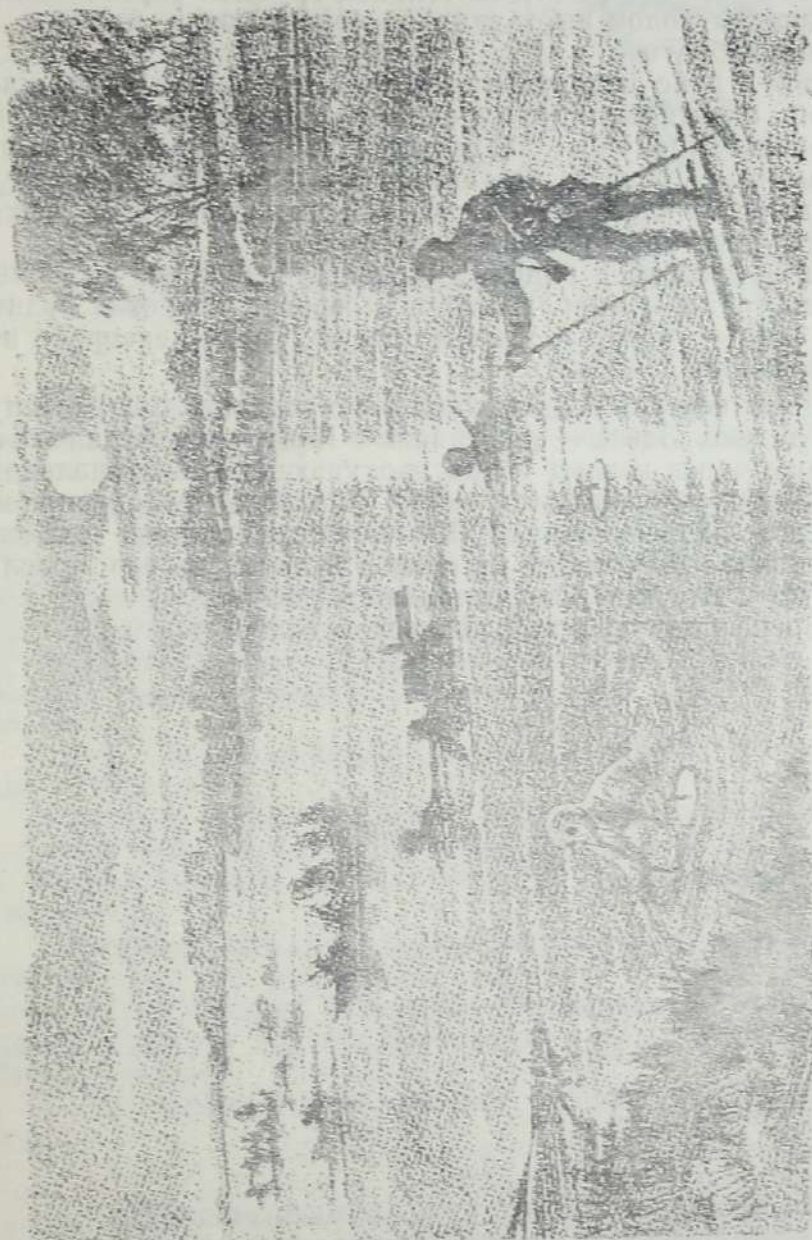
Занят исходный район. В вечерней тишине идут последние приготовления. Десантные пункты оборудованы: разбиты места отвала лодок, обозначены исходные линии, построено укрытие для командно-сигнального пункта. Переправочные средства готовы к спуску на воду.

Комендант пункта переправы установил радиосвязь с исходным районом. Выделены сигнально-регулирующие посты.

Тихая звездная ночь. В воде еле колышутся перевернутые тени деревьев, изредка всплеснет рыба. Комендант сидит в землянке, проверяет аппаратуру, светосигнальные приборы.

В 2,15 блеснул свет. Эшелон внезапности поднял переправочные средства и выступил вперед. Сигналы из укрытия указывали, по каким разветвлениям колонного пути нужно продвигаться.

ПЕРЕПРАВА.

Противоположный берег был достигнут в пять минут. Подразделение высадилось, приняло боевой порядок и вступило в бой с разведывательной группой „противника“. Начальники лодок выставили на берегу знак причала и поплыли обратно.

Второй рейс переправлялся уже под прикрытием пулеметного и артиллерийского огня. Подразделения старшего лейтенанта Пискунова, лейтенанта Лях использовали все переправочные средства. Кравченко плыл на плотике из двух бревен, Кузьминых использовал ворота, Тюрин и Авдеев — скрепленные три бревна...

Плывут по реке бидоны, каркасы, бочки. За них уцепились бойцы и приближаются к берегу. Рассекая волны, мчит танк — амфибия. Проводники ведут к переправе новых и новых бойцов.

Левый берег — низкий, пойма с кустарниками растянулась далеко. Здесь — „противник“. Наша артиллерия бьет по нему через головы своих наступающих подразделений.

„Бой“ на реке длился около часа, пока не переправились все подразделения. Потом в рукопашной схватке „противник“ был выбит из окопов и началось его преследование в глубине оборонительного района.

К реке подходил второй эшелон нашей части...

Командир

Беседа с бойцами, уезжающими на фронт, подходила к концу. И командир части в напутствие еще раз им напомнил:

— Будьте стойкими, товарищи, крепите благородное чувство братства всех советских воинов, зубами держитесь за землю свою... Я надеюсь: когда ваши сыновья будут спрашивать о страшном сорок втором годе, вы усадите их перед собой и с законной гордостью поведаете о своих боевых делах. И сын обнимет отца, кровью отстоявшего счастье, штыком добывшего право хорошо и мирно жить.

В эту минуту каждому хотелось верить, что именно так и будет.

Командир Захар Петрович Выдриган отечески благословлял молодых бойцов на большую битву, а они клялись с честью пронести сквозь огонь славу русского воина-гвардейца.

...Настанет время, когда запахнутся вражьи кости, зацветут сады на развалинах, заживут тяжелые раны, и отец, путая события от частых воспоминаний, все же выделит в памяти дни предфронтальной учебы, вспомнит эту беседу, скажет:

— Да, сынок, вышло так, как говорил однажды командир...

* * *

...Притихшим бойцам тов. Выдриган рассказывал о славных традициях русского воина, про пскудную душу немца — трусливого, подлого, гадливого. Приводил эпизоды, какие и в книжках еще не встречались.

Командир делал жесты левой рукой. Заметив это, один из новичков тихо спросил соседа:

— Он что, левша?

Курсант не знал, что у него прострелена рука, раздроблено плечо, проколоты штыком ноги. Курсант не знал, что он дрался с немцами трижды — солдатом в мировую войну, руководителем партизанского отряда в гражданскую и командиром части в отечественную, что он до десятка раз ходил в атаку, смотрел смерти в глаза. Потому так и увлекателен его простой и правдивый рассказ. Примерами из собственного опыта он подтверждал мысль, которую высказал товарищ Сталин словами народной мудрости: немец „молодец против овец, а против молодца — сам овца“.

Шестнадцатилетним юнцом, полным военной романтики, Захар Выдриган удрал из дома на фронт мировой войны. В дни боев он увидел немца во всем его отвратительном обличьи.

...Рыжий фриц, как заморенный таежный лось, подкрадывался к ручью напиться. Тут он и был накрыт. Молодой, еще несмышленный украинский парень бросился с трехлинейкой наперевес. Немец растянулся у ручья, беспомощно задрывал руками и ногами, словно перевернутый навозный жук. Смотреть было тошно на такого вояку.

В партизанском отряде Выдригана воевали отменные народные мстители. И среди них — безногий Горбань. Он ходил в атаку с костылем. Этот человек чудодейственной силы воли всегда просил самые ответственные поручения. Нельзя было без волнения смотреть, с какой расторопностью он перелезал через заборы, прыгал через рвы, взбирался на скалы. А когда дело доходило до рукопашной, он пускал в ход и костыль. При дружном натиске русских воинов немец никогда не выдерживал штыковой схватки: пускался наутек. Не раз доводилось видеть, когда немецкие артиллеристы сидели прикованные цепями к лафетам орудий, чтобы не сбежали во время боя. Наши воины изумлялись такому зрелищу:

— Вот уж воистину „вши на аркане“.

А прошлой осенью, наступая, фашисты цепью гнали перед собой наших стариков, женщин, детей: в своих, мол, стрелять не будут. Разгневанные и поруганные мученики умоляли красноармейцев:

— Стреляйте в нас, за нами гады прячутся. Пусть мы умрем, зато и кровопийцы биты будут...

Тов. Выдриган сражался на берегах родного Днепра. Там немецкая тварь, окованная броней, врывается в беззащитные украинские хаты, сжигала и рубила вишневые сады, вешала стариков, насиловала девчат. Часть, которой он командовал, держалась стойко, бойцы без крови не отдавали и вершка земли. Уже соседние части отошли далеко, уже немецкие танки окружили храбрецов, а командир, тяжело раненый, все еще не отдавал приказа на отход. Насборот, часть бросилась в тыл врага, сожгла четыре танка, разгромила военные склады и обозы, и лишь потом, в отчаянной схватке, прорвалась сквозь вражеское кольцо и вышла из окружения.

...Командир тов. Выдриган сейчас готовит боевое пополнение для советской Гвардии. Человек с огромным опытом, он всю душу вкладывает в обучение отличных резервов. Чувствуется не скрупулезная точность или преклонение перед общепринятыми шаблонами, а весомое, деятельное творчество. У него хорошо учиться и работать инициативным курсантам и командирам: всегда есть поддержка, деловой совет. Недаром столько ценных для боевой учебы выдумок приготовлено в артиллерийской мастерской, на стрельбище, переправе, учебном оборонительном районе. Недаром командир пользуется всеобщим уважением в части.

У командира-большевика одна цель: все силы употребить на быстрейший разгром врага. Работает он с увлечением и напряжением. Но ему кажется, что не вся еще сила используется до дна. И тяжело раненый, не успевший оправиться от недуга, командир пишет рапорт с просьбой направить его в действующую армию. Он доказывает, что уже достаточно окреп и может вполне действовать на передовых позициях — там, где решается судьба России.

Недавно командир получил сообщение из действующей армии. Его старший сын Александр, командир стрелковой роты, пал смертью храбрых на поле битвы. Боль остро задела сердце отца. Еще жгучей стала ненависть к врагу, еще сильнее почувствовалась жажда мести — за сына, за пшеничные поля, за белые хаты с завалинками, за города, за все. Пусть будет еще суровей наш командир. Пусть эта суровость перейдет и к подчиненным. Пусть с тройной яростью и злобой бойцы пойдут отстаивать Родину и, как говорит командир, зубами держаться за землю свою, истребляют немцев до последнего.

В штаб части пришел небольшого роста, плечистый паренек:

— Я — Иван Крылов. Хочу к вам в добровольцы.

Маленький незнакомец был в военной форме. По его взгляду, движениям плеч и уверенному тону в разговоре можно было догадаться, что парень он — выдавший виды.

Беседа длилась довольно долго, Ваня рассказывал о себе.

...Мать свою он не помнит: умерла, когда ему шел третий год. Отец — бригадир Луковниковского колхоза, затем ржевский плотник — умер в 1940 году.

Ваня жил у сестры. Он работал по дому, учился, посещал музыкальный кружок. В свободные часы запоем читал Жюль Верна, Фенимора Купера, книги о папанинцах, челюскинцах. А потом садился за ноты и исполнял любимое — „Корневильские колокола“, „Турецкий марш“, „Китайскую серенаду“.

Мечты мальчика залетали далеко: он хотел стать музыкантом, а больше того — путешественником, участником какой-нибудь знаменитой экспедиции.

Но вот в один из июньских воскресных дней он узнал страшную весть: на нашу землю, такую хорошую, большую и чистую, напал враг. Ваня спрятал книги, любимый альт и ушел на фронт.

Юный романтик появился к командиру полка босиком, со школьной сумкой, набитой сухарями. Он заявил, что хочет воевать вместе со всеми бойцами.

— А сколько тебе лет?

— Уже четырнадцать.

— Маловато. Придется подрасти.

Ваня вспыхнул:

— Разведчиком я могу быть? Могу. Стрелять тоже умею. И связистом могу, на трубе играю.

— Ну, раз так, то поедем. Уговорил..

Всю осень и зиму молодой воин участвовал в боевых походах полка. Играть на трубе ему было некогда — занимали более увлекательные и важные дела. Ваня наравне с большими громил фашистов. Он вместе со всеми испытал горечь осеннего отступления, на передовых линиях провел и те трепетные дни, когда очищали от немца город Калинин и гнали отошавшую фашистскую орду на Запад.

Во время одной боевой операции Ваня вызвался отнести срочное донесение командиру батальона. Возле деревни путь ему перерезали семь вражеских танков. А за ними шла пехота. Связной подался правей, там он заметил своих бойцов, залег. Когда фрицы приблизились — наши открыли огонь. Ваня старался целиться как можно точнее. Дух захватывало от волнения: это была первая встреча с немцами — с глазу на глаз.

В тот раз наши бойцы и артиллеристы подбили пять вражеских танков, сотня фрицев угодила в могилу. На глазах у Вани валялись немцы, но который из них падал от его пули, сказать затрудняется:

— Сообща косили.

Как-то он бежал с донесением к командиру пулеметной роты. Немец, заметив его, открыл минометный огонь. Первая мина не долетела, вторая легла в сторону, третья и четвертая — тоже.. Ваня бежал, делая зигзаги и замысловатые фигуры. А вернувшись, доложил:

— Десять мин немец впустую ухлопал.

Однажды Ваня Крылов пробрался во вражеский тыл. Целый день ходил по деревне П., беседовал с колхозниками, разузнал, где расположился штаб, куда завезено оружие. Возвращаясь, он унес с воза немецкий автомат.

Сведения, добытые молодым разведчиком, оказались весьма ценными. Враг в ту же ночь был выбит из деревни.

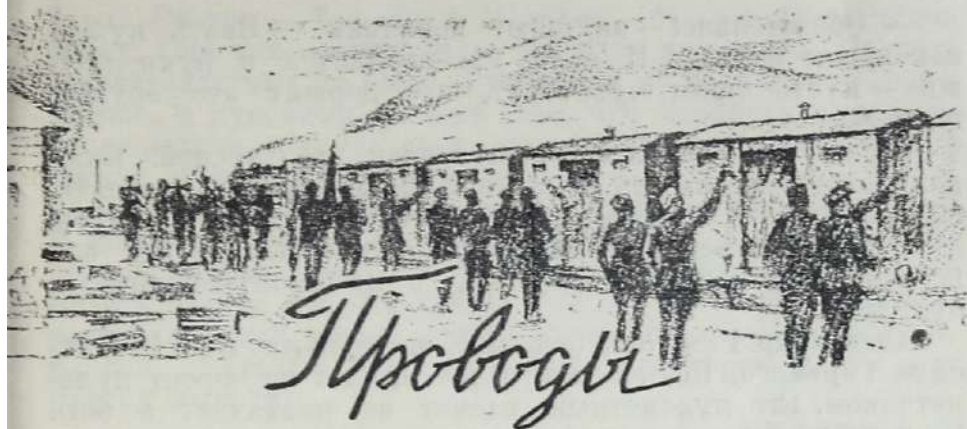
Когда наши разведчики узнали, что у переднего края вражеской обороны стоят застрявшие три немецких автомашины, Ваня с группой бойцов пошел разгружать эти машины. Из под носа немцев они вывезли несколько возов мин. Спохватились немцы, да было уже поздно: они из минометов разбили свои пустые грузовики.

В одном из боев тяжело ранило командира. Ване было поручено отвезти его в госпиталь и самому остаться там, так как полк перебрасывали в другое место. Он привез командира, а самого сразу же потянуло снова на фронт. Вот он и пришел к нам.

Командир и комиссар части решили усыновить Ваню Крылова, взяли его в свою большую курсантскую семью.

И теперь наш молодой воспитанник учится бить врага по-гвардейски. Ему присвоено звание ефрейтора. У него отличная военная выправка, фронтовой опыт, высокая требовательность к себе. Ваня хорошо владеет оружием — своим и трофейным. Он — неизменный участник духового оркестра, признанный трубач.

...Затянутое розовой дымкой летнее утро. Курсанты еще спят. Мы встретили Ваню у военного городка. Самый молодой курсант части, дежурный сигналист Иван Крылов шел играть утреннюю зорю.

Бойцы уезжают на фронт.

День отправки маршевой роты — праздник всей части. Торжественная приподнятость чувствуется во всем. Дневальные еще ночью убрали казармы, подмели дорожки, наравали цветов и собрали красные флаги. Затрепетали на ветру грозные слова: „Смерть фашистским гадам!“ Блеск винтовок в пирамидах словно прибавил света в помещении.

Курсант Александр Савко, дневальный по роте, мечтательно произнес:

— Ишь ведь, как в Академии стало.

Ему, в недавнем прошлом монтеру при одном из филиалов Академии Наук СССР, впервые пришло в голову, что там было очень чисто, паркет блестел, как зеркало, и монтер ходил на дыпочках.

Боевые листки разрисованы со вкусом. Прощальные слова, дружеские пожелания. Свои чувства курсанты выражают в стихах. А в газете минометчиков крупными буквами написаны слова Владимира Ильича, сказанные им в суровый 1919 год:

„Для тех, кто отправляется на фронт, как представители рабочих и крестьян, выбора быть не может. Их лозунг — смерть или победа“.

Смерть или победа! — с этим лозунгом вождя бойцы будут громить злобного врага.

Курсанты, которые недавно прибыли в часть, завидуют отъезжающим. Новички интересуются — нельзя ли им тоже отпроситься на фронт и обязательно ли для этого, чтобы стрелок знал и ППД, и противотанковую гранату, и пулемет.

— Обязательно! — внушают новичкам. — Знать нужно как можно больше. И если уж попадетсЯ в руки оружие — пусть фриц чувствует, что держит это оружие гвардеец.

Беседа становится все оживленней, круг тесней. Каждому охота рассказать, как он научился метко стрелять, быстро ползать по-пластунски, рыть окопы. В эти минуты и дружба быстрее завязывается, хочется поделиться обо всем — о письме из деревни, о любимой девушке, о будущем...

Александр Римский, овчинник из колхоза имени Максима Горького, Ивановской области, едет на фронт пулеметчиком. Его пулеметный расчет не подкачает в бою. Римский знает оружие великолепно, стреляет только на „отлично“. Бывало, на стрельбище, соберет он группу курсантов и до тонкостей объясняет материальную часть. Его в шутку спрашивали:

— Не вы ли и есть Максим, именем которого пулемет назван?

Когда было объявлено соревнование, Римский дал слово самого отстающего курсанта Пименова сделать отличником. И своего добился.

Веселый по натуре человек, Римский сейчас сосредоточен:

— Я уже живу мыслями о будущем. Даже сон видел: сижу в окопе, стреляю, немцы кувыркoм летят, а в это время кто-то за мою ногу теребит: „Боец Римский, идите в блиндаж, вам орден принесли“. Я толкаю его ногой, кричу: „Уходите, отстаньте, видите, что делаю. Вот перебежю оставшихся, тогда приду“.

Андрей Акимкин заверяет друзей, что будет биться с фашистами до последнего. Николай Чернышев просит политрука передать командованию части благодарность за то, что в сравнительно короткий срок научили его искусству бить врага. Трудновато, говорит он, было учиться, но это окупится сторицею в боях.

Я попросил курсантов написать на прощанье коротенько о себе, чтобы эти записки напечатать в красноармейской газете. Пятеро собеседников мою просьбу выполнили. Вот письма будущих гвардейцев.

КЛЯТВУ РОДИНЕ ВЫПОЛНЮ

Черные дела фашистских злодеев не поддаются описанию. Я зимой побывал у родных сестер в г. Угодский

Завод. Сестры — Татьяна и Матрена — были в фашистском плену. Они так состарились, что едва их узнал. Предела издевательствам не было. Грабители и насильники обращались с русскими людьми так, что страшно подумать, проделывали с ними такое, чего не позволил бы матерый бандит. Фашисты — это сверхбандиты.

В душе лютая ненависть к гитлеровским мерзавцам. В запасной части я каждую минуту использовал для изучения оружия, чтобы как можно крепче бить врага, отомстить ему за все. На фронт еду с радостью. Ранят — постараюсь как можно скорее опять стать в строй. Я поклялся, не жалея сил, истреблять гитлеровцев. И эту клятву выполняю.

А. Акимкин.

СЧАСТЬЕ БИТВЫ

Я — красный воин и дорожу этим званием. С гордостью иду бить врага, потому что люблю свою страну — большую, вольную, настоящую. Мне дороги и милы наши колхозные поля, русские песни, мои друзья.

Я вижу счастье в битве с врагом — этой подлой ратью, пытающейся замарать, испоганить нашу жизнь.

С гордостью иду бить врага и верю в победу. Моя рука не дрогнет, моя пуля фашиста не обойдет.

Н. Чернышев.

НЕ ОТСТАНУ ОТ БРАТА

Три моих брата — на фронте. Всем им написал: держитесь, дорогие, стойко, бейте крепче фашистов, скоро я тоже буду вместе с вами.

Брат Сергей сообщил мне в письме, что он уже более десятка фрицев уложил. Одного живьем в плен взял.

И вот меня законная зависть взяла: чем я хуже Сергея? Запало мне в сердце одно: соревноваться с Сергеем, не отстать от него.

Пусть у него боевого опыта больше, но я думаю наверстать: знания боевой техники получил, смелости хватит, выдержки тоже.

Фашистские холуи это почувствуют.

М. Васильев.

ДОРОЖЕ ЖИЗНИ

Мое желание исполнилось: еду на фронт очищать землю родную от фашистской нечисти.

Недавно получил от сына Володи письмо и фотокарточку. Сыну 10 лет. Он сообщает, что учится тушить вражеские бомбы, в играх с ребятами его ставят командиром. Володя в конце пишет: „Папа, будь храбрым, как я, а домой приезжай с орденом“.

Ну что ж, буду выполнять наказ сына. Уж если орден и не доведется получить, то во всяком случае я и сын мой получим высокую награду: счастье жить на советской земле, навеки освобожденной от гитлеризма. А это — дорожке жизни.

В. Савин.

СТРЕЛЯЮ ОТЛИЧНО

Я сказал себе так: если выполню как следует приказ товарища Сталина, если сумею изучить боевое оружие и отлично им владеть — значит, я полезный Родине человек.

Каждую минуту старался быть у винтовки, автомата-пулемета. Не в тягость мне было носить оружие на стрельбище, в походах с гордостью шел я, выдерживая трудности переходов. Я считал святым долгом узнать значение каждого винтика в оружии. И узнал.

На огневом рубеже стрелял отлично. Во время изучения приемов штыкового боя, метания гранаты командир дал оценку: „отлично“.

Теперь у меня единственная мечта: действовать на поле боя так, чтобы и страна дала мне отличную оценку. Крепко верю, что мечта моя будет исполнена.

И. Михальчук.

...В военном городке состоялся митинг. Командир части тов. Выдриган пожелал красным воинам самых лучших успехов в борьбе с гитлеровскими бандитами. С горячими словами выступил комиссар тов. Ковалев:

— Вы встретите врага подлого и коварного. Немецко-фашистская армия это — орда преступников и головорезов. В отдельности же немецкий солдат — сляктай и мародер. Он воюет не за родину, честь и идеи. Он ищет где пограбить, изнасиловать первую попавшуюся женщину, поиздеваться над человеком.

И когда смотришь на вас — гордость берет. Гордость за русскую землю, за народ, за правоту нашего дела, во имя которого бойцы совершают невиданные подвиги.

На трибуну поднимались курсанты, и было видно, что эти статные ребята покажут, на что способен советский человек, в котором сердце кровью обливается от ненависти к врагу, принесшему столько горя народу.

...Подразделения с песнями шли на вокзал. Девушки дарили бойцам цветы. Ребятишки махали ручонками.

Из окон военного госпиталя смотрели десятки сверкающих глаз. Группа раненых бойцов и командиров прильнула к ограде. Веснушчатый парень в распахнутом халате стоял на подоконнике и махал полотенцем:

— До свиданья, товарищи! Бейте гада ловчей. Мы поправимся и тоже к вам приедем.

Смуглый юноша, похожий на казаха, показывал через палисадник костыль:

— Как избавлюсь от этой штуки — сразу уеду к вам. Воевать я умею, знаю, как воевать, товарищи...

У него заблестели глаза, голос задрожал, и он отошел от окна.

С улицы доносились слова курсантского марша:

И мы разнесем по всей армии вести
Про честь и про славу полка...

Когда бойцы уселись в вагоны, на пероне густо заматали платками:

— Будьте героями! Возвращайтесь с победой!

Многоголосое „ура“ перекатилось волной, и, казалось, звуки умчались вдаль — за одноглазую будку, за сосновый бор — в широкие просторы родного края.

Платки плавали в воздухе, пока поезд не скрылся за поворотом.

Бойцы уезжали на фронт...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Боевые резервы—для гвардии	3
Марш Н-ского курсантского стрелкового полка	5
Курсанты	7
На реке Н.	16
Командир	21
Ваня Крылов	24
Проводы	27

Редактор *М. Х. Кочнев.*
Художник *В. Н. Говоров.*

Подписано к печати 1/XII 1942 г. КЕ—25085. Тираж 5000 экз. Печ. л. 2.
Уч.-изд. л. 1,46. В печ. л. 35880 зн. Типография издательства Иванов-
ского областного совета депутатов трудящихся. Иваново, Типографская, 4.
Заказ № 6062.

Цена 55 коп.

